

УДК 801.81+811.161.1

ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ОХОТНИЧЬЕЙ СУБКУЛЬТУРЫ В ТРАДИЦИОННОЙ ЛЕКСИКЕ ОХОТЫ ПРИКАМЬЯ¹

Иван Алексеевич Подюков

д. филол. н., заведующий кафедрой общего языкознания.

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. podjukov@yandex.ru

В статье рассматривается языковой материал, раскрывающий особенности традиционного охотничьего промысла в Прикамье. Исследуются наиболее значимые для охотничьей субкультуры семантические группы лексических и фразеологических номинаций, характеризуются способы создания охотничьей лексики, особенности ее образности, стилистические свойства. Выявляются особенности функционирования охотничьих номинаций, архаичные и новые явления в охотничьей промысловой речи, дается интерпретация связи лексики охоты Прикамья с промысловой лексикой других русских говоров и других языков народов Пермского края. Делается вывод о локальной окрашенности охотничьего словаря Прикамья в контексте общерусской промысловой речи, об отраженности в его составе особых мировоззренческих, психологических и морально-этических особенностей сообщества промысловиков.

Ключевые слова: промысловая речь и диалекты; локальные особенности субкультур; народная терминология; охотничьи профессионализмы.

Современный этап бытования охотничьего промысла характеризуется резким техническим обновлением, изменением средств и способов обнаружения, выслеживания, преследования и добычи лесного зверя и дичи. Появление своих и заимствованных технических новшеств приводит не только к модернизации традиционных промыслов, но и к изменению их сути.

В русской народной среде охота в основном носила практический характер, не оценивалась как развлечение и была органично включена в традиционную культуру; отчасти такой она остается в Прикамье и в ряде других периферийных территорий России и в наши дни. В европейских странах промысловые занятия уже давно не рассматриваются в контексте традиционных культур; охота, как и рыбалка, по уровню организации превратилась в самостоятельное занятие, стала спортом и одним из видов туризма.

Показательно, что постепенно меняются (отчасти еще сохраняясь в говорах) сами народные названия, связанные с добычей дикого зверя и лесной дичи: вместо слов *лов*, *лешня* (гайнск.), *лесня*, *ловитва*, *полешня* (чердынское) начинает широко использоваться слово *охота*, вместо *лесовать* – *охотиться*; меняются на *охотник* слова *ловник*, *лесник*, *полесовщик* (соликамское; ср.

также – *Отец говаривал: «Поехал на полешню, нынче была полешня хорошая».* *Полешня* – та же охота. В стары времена «охота» не говорили – Пянтег, Чердынский район). Считается, что слово *охота* как название промысла выражает отношение к нему как к развлечению, утехе (первоначальное значение слова *охота* – ‘желание, радость, веселье’, ср. польск. *ochota* ‘воля, веселое расположение духа’; в древнерусском языке *охотником* называли не того, кто охотится, а человека, добровольно берущегося за что-либо или занимающегося чем-либо по своему желанию, по своей воле).

Современный этап развития промысловой речи отличает стремительное обновление словаря: появление большого числа новых номинаций современных видов ружей, экипировки промысловиков, лексики, обозначающей специальный промысловый транспорт, охотничью оптику. Одновременно с вытеснением старой охотничьей снасти из активного употребления выходят слова типа *дробенница* (*дробница*) ‘кожаный мешочек для хранения дроби’, *пороховушка* (*пороховище*) ‘приспособление из рога для хранения пороха’, *шюмполка* ‘одноствольное ружье без затвора’. Изменение и усовершенствование способов охоты, в том числе из-за резко возросших междуна-

родных контактов, приводят к появлению большого количества современных «девайсов», таких как электронные подсадные и даже летающие чучела, инфракрасные камеры-тепловизоры для выслеживания птиц и зверей, лазерные прицелы, охотничьи уничтожители запаха и пр. Соответственно, появляется масса номинаций, используемых, а часто и понятных лишь среди охотников. Разнообразны, в частности, современные наименования охотничьего транспорта: *каракат* или *пневмоход* 'легкий колесный транспорт на шинах сверхнизкого давления', *прадик* 'внедорожник Toyota Land Cruiser Prado', *тушкан* 'дизельный внедорожник Tucson от южнокорейской компании Hyundai'; названия разновидностей ружей (часто по месту их изготовления, производящей фирмы, типа *бельгиец*, *немец*, *итальянец* 'бельгийское, немецкое, итальянское ружье', *Беня*, *Бенелька* 'самозарядное ружье итальянской фирмы Бенелли', *мурка* 'полуавтоматическое самозарядное ружье Ижевского производства' из аббревиатуры МР – mechanical plant). Разнообразны современные названия, отмечающие технические особенности оружия: *дульнозарядка* 'дульнозарядное ружье, копирующее старинное шомпольное оружие', *помповик* (или *помпа*, *помпушка*, *качок*) 'помповое скорострельное ружье с подвижной верхней частью ружейного ложа', *двудулка* 'двуствольное ружье', *гладкоствол* 'гладкоствольное ружье для стрельбы дробью', *нарезняк* 'ружье с нарезным стволом', *трехствол* 'комбинированное универсальное ружье с тремя стволами для стрельбы дробью и пулями'. Для облегчения ориентирования в природной среде создаётся масса технических новшеств: *коллиматоры* (или *коллиматорники*) 'электронно-оптические ночные прицелы и дальномеры' (*беларус* 'ночной прицел белорусского производства', *сарацинка* 'прицел новосибирского производства' и пр.).

Технические усовершенствования, новые средства охоты облегчают процессы выслеживания добычи, но, по признанию многих современных охотников, убивают сам дух промысла, поскольку делают зверя полностью беззащитным. Традиционно охота предполагает «честное соревнование» со зверем, который тоже должен иметь шанс перехитрить соперника; для истинного носителя охотничьей традиции охота – это стиль, образ жизни. Как способ что-то себе доказать, она требует от охотника предельного напряжения и максимальной выкладки. Применение, например, электронных манков на современных картах памяти или приманочных спреев и гелей на феромонах обесмысливает один из самых увлекательных этапов охоты – *наманива-*

ние птицы или зверя, которое нередко напоминает творческий акт.

Изменение традиционного промыслового словаря под натиском новообразований чревато тем, что вместе с традиционной охотничьей лексикой могут оказаться утраченными не только сведения о способах и средствах охоты. В традиционном промысловом словаре актуализировано народное знание о природе, запечатлены уникальные сведения о жизни зверей и птиц, отражена информация об архаичных верованиях и представлениях носителей традиции. К тому же, любой промысел имеет свою специфику в конкретных природно-географических и исторически сложившихся условиях и информация о локальных его особенностях фиксируется в языке.

Изучение традиционной охотничьей речи существенно затруднено тем, что традиция охоты относится к достаточно закрытым, хотя и не асоциальным, субкультурам. К настоящему времени разработаны лишь отдельные словари, отражающие региональные особенности народных промыслов. Это издание «Словарь рыбаков и охотников северного Приангарья» В.И. Петроченко [Петроченко 1994], описание охотничьей лексики северных районов Тюменской области в «Материалах для областного словаря» [Кошкарёва 1995]. Лингвистические исследования охотничьей речи чаще направлены на описание традиции северных и сибирских народов [Боргояков 2001, Сувандии 2013]; работы по русской охотничьей лексике единичны (например, анализ охотничьих терминов диалектного происхождения [Сердобинцева 2011]; выявление мансийских, эвенкийских заимствований в промысловой лексике русских говоров Среднего Приобья [Щитова 2009]; исследование места охотничьих наименований в диалектной картине мира [Мамаева 2010]).

Значительный ряд диалектных глаголов и глагольных сочетаний передает само понятие «охотиться» и в том числе его разновидности: *лесовать*, *ходить/идти/бегать* – *ходить* (*идти*, *бегать*) *за охотой* (*за промыслом*), (ср. коми-пермяцкое *вõравны* досл. 'лесовать', *лесуйтны*); *гайначить* 'охотиться на белку' (Юсьва; ср. более распространенное *белковать* 'промышлять белок', кроме пермского, также свердловское и томское), *гусничать* 'охотиться на гусей', *лосятничать* 'охотиться на лося' (Карагай), *ходить на перо* (*по перу*) 'охотиться на пернатую дичь' (Чердын), *чучелить* 'охотиться с чучелами'. В глагольных терминологических сочетаниях обозначены способы того или иного промысла: *сидеть на солонцах* (*на соли*) 'сидеть в засаде, карауля приученного к соли зверя', *сидеть на чучелах* 'охотиться с чучелами', *сидеть на гусях*

‘заниматься охотой на гусей’, *сидеть на белке* ‘охотиться на белку’. Глагол *сидеть* здесь получает семантическое расширение ‘существовать в том или ином социальном качестве’, при том что в большинстве случаев в отмеченном промысле действительно необходимо пребывание в неподвижности (ср. в говорах также статусные характеристики *сидеть на группе* ‘быть инвалидом’, *сидеть на веретёшке* ‘прясть, быть пряхой’). Обозначение вида промысла с помощью глаголов движения *ходить/идти/бегать* – *ходить (идти, бегать) за охотой (за промыслом)* – основано на распространенном в русском языке использовании глаголов пространственного перемещения для метафорического обозначения постоянной и также социально значимой деятельности.

Биологическое разнообразие охотничьих животных в Прикамье (здесь встречаются обитатели тайги, смешанных лесов, степной зоны) объясняет развитость охотничьей традиции и, соответственно, охотничьего словаря. Он включает различные тематические группы: названия зверей, лексику, характеризующую их повадки, места обитания, названия видов оружия и типов ловушек, способов охоты, терминологию традиционного охотничьего инвентаря, названия охотничьих сооружений, деталей охотничьего костюма, охотничьей пищи, лексику, отражающую особенности охотничьего собаководства. Как и в любой другой специальной сфере деятельности, лексику охоты отличает детальная проработанность многих понятий. Так, значительный ряд составляют, например, номинации белок: *летяга, векиша, красновка* ‘осенняя белка с характерной ярко-красной окраской’ (Пожва Юсьвинский район), *подпаль* ‘неспелая белка’ (Антипино, Юсьвинский район), *полубэль* ‘молодая белка’ (д. Бычина, Красновишерский район), *синюха* ‘невыкунявшая белка’ (Пожва, Юсьвинский район). Эти номинации могут дифференцироваться по различным территориям Прикамья. Так, если в ряде населенных пунктов Чердынского района *векиша* – чаще общее название белки (*Векишей белку зовут в любое время* – Пянтег, Чердынский район), то в других местах это название только летней белки (*Векиша – белка в летнее время с рыжеватым мехом. Векиша, она рыжая, черемная ле, а белка она белая, серинькая, к зиме-то* – Говорливое, Красновишерский район; *Векишей называем, когда она рыжая, а с двадцатого октября они уже белка* – Нырб, Чердынский район). В названиях этого промыслового зверька входит и большое количество составных терминов: *чистая белка* ‘спелая белка’ (Пожва, Юсьвинский район), *зеленая белка* ‘не-

дозревшая, молодая белка с некачественной шкуркой’ (Майкор, Юсьвинский район), *чистая белка* ‘белка с чистой, высшего качества шкуркой’ (Пожва, Юсьвинский район), *сосновая белка* ‘белка более светлого окраса меха, которая обитает в сосновом лесу’ (Чердынь).

Особые номинации выработаны для обозначения специальных понятий, без знания которых промысел вряд ли будет успешным. Глагол *вёршит* имеет значение ‘передвигаться по верхушкам деревьев’ (о звере, преимущественно белке): *Белка вершит – ее глазом не углядишь, она бойко скачет по верху* (Вая, Красновишерский район). Словом *высыпка* называется ‘кратковременное скопление дичи в определенном месте’: *Тут высыпка бывает, налетает дичь, шалаши тут где-то я нарошно года два назад ладил* (д. У. Уролка, Чердынский район). Субстантивированное название *пёрьево* обозначает важный для охотника ‘звук полета птицы’: *Где-то птицы поднялись, пёрьево слышно* (Романово, Усольский район).

Словарь охоты содержит материал, иллюстрирующий следы древних охотничьих табу, словесных запретов. Отголоски представлений об общей природе человека и зверя, о звере как первопредке, о его способности понимать человеческий язык ощущаются, например, в том, что охотники избегают слова *убить* (зверя), используя вместо него глаголы *добыть, взять, сронить*. На базе последнего, кстати, образуется абстрактное существительное *ронкость* (реже *рон*), которое обозначает такое значимое для промысловика качество оружия, как его убойная сила: *Допустим, в птицу стреляешь, перья летят, а птица летит. Не убивает, не бьет полностью, только чуть-чуть ранит. А если ронкое ружье, то дробины насквозь идут, ломают кость* (Б. Коча, Кочевский район).

Для обозначения крупного, опасного животного – лося, медведя – нередко используется родовое *зверь*: *Нонче не слышно, а раньше зверь-то похаживал, коров частенько убивал, шатался зверь-от раньше, берлоги у его были, а сейчас лес вырубил, машины ходят – зверь-то и забоялся* (Вильва, Соликамский район).

Эвфемизмы создаются и описательными характеристиками: известное *косолапый*, пермские *космач, мохнато ухо* (ср. сибирское *косматый черт* [Мамаева 2010: 219]). Медведь, охота на которого крайне опасна, также называется *чёрным*, или *чёрным зверем* (при том, что реальный цвет зверя – бурый; ср. также *чёрная немочь* ‘медведь’ [там же: 219]). Редкое название медведя *лесной свёкор* (Гайны) построено в духе традиционных эвфемических задабриваний припи-

сыванием родства (как широко известные в говорах *тётушка*, *кума* 'лихорадка'). Соотношение медведя с отцом мужа, который воспринимался как глава рода, скорее всего, учитывает статус зверя, которого всегда считали хозяином тайги. Указанная номинация поддерживается, кроме того, устойчивым обратным соотношением свекра с медведем (как и свекрови с медведицей), отмеченная в невестиных свадебных причетах Пошехонья, Вологодчины [Успенский 1982: 164]. В пермских свадебных причитаниях свекор также часто предстает как зверь: *Как чужой да свекор да батюшко – ой, да он взглянет-ту да по-звериному; как чужая свекровка да матушка, ой, да она взглянет-ту да по-змеиному...* (записано от А.М. Пикулевой, 1937 г.р., с. Пож, Юрлинский район).

Значителен в охотничьей речи Прикамья пласт заимствованных названий. Чаще всего источники заимствований – финноугорские языки; редкий пример охотничьего тюркизма – название следа зверя *сакма*, *сохма* (Пожва, Юсьвинский район), слово известно и сибирским охотникам, но обозначает здесь след волка. В татарском языке это слово имеет более общее значение – обозначает наезженную дорогу.

С коми языками связано название охотничьей накидки с карманами *лузан*, иногда в вариантной форме *лазан* (из коми *luz* 'накидка на плечи у охотника'); косоугольного охотничьего ножа одной заточки *пурт*, реже *пурта* (слово, возможно, имеющее индоиранское происхождение [КЭСКЯ 1970: 233]), в коми языках используется в общем значении 'нож', а в специальном охотничьем значении распространено у русских не только Прикамья, но и Вологды, Костромы, Иркутской области. Заимствовано русскими вместе с достаточно сложной по технологии изготовления и действия ловушкой-самоловом слово *чос* (соотносится с коми-пермяцким *чӧс* – ср. хантыйское *sesa*); название охотничьего костра *нодья*, в том числе в формах *нудья*, *надьё*, *нотьё*, которые фонетически более близки к исходной субстратной форме (ср. финское *nuotio*, карельское *nuodivo* 'костер на стоянке').

Таким образом, традиционная охотничья лексика Прикамья характеризуется тематическим разнообразием, развернутостью словаря, обеспечивающей детализацию в характеристике большого количества охотничьих реалий и понятий. Охотничьи номинации показывают тесные контакты между народами Прикамья, выражают особенности промыслового взгляда на мир, ха-

рактеризуются определенным сходством с сибирским охотничьим лексиконом и в то же время локальной окрашенностью.

Примечание

¹ Статья выполнена в рамках гранта 029а-Ф «Этнические культуры Прикамья: генезис и современное состояние» программы стратегического развития ПГГПУ.

Список литературы

Боргояков В.А. Лексика охоты и рыболовства в диалектах хакасского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 22 с.

Кошкарёва А.М. Специальная лексика северных районов Тюменской области: материалы для областного словаря. Нижневартовск, 1995. Ч. 2. 162 с.

КЭСКЯ – Краткий этимологический словарь коми языка / авт.-сост. В.И. Лыткин, Е.С. Гуляев. М., 1970. 386 с.

Мамаева Т.В. Метафорические наименования как отражение языковой картины мира охотников и рыбаков Приенисейской Сибири // Приенисейская Сибирь как лингворегион: материалы I Межвуз. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной памяти В.Н. Роговой. Красноярск, 2010. С. 218–221.

Петроченко В.И. Словарь рыбаков и охотников Северного Приангарья. Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1994. 119 с.

Сердобинцева Е.Н. Профессиональная лексика русского языка: структурно-семантический, функционально-стилистический и когнитивный аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 40 с.

Сувандии Н.Д. Охотничья лексика в тоджинском диалекте тувинского языка // Новые исследования Тувы: электронный информационный журн. 2013. № 1. [Электронный ресурс] URL: tuva.asiajournal/issue_17//5981-suvandii.html. (дата обращения: 01.12.2013).

Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М.: Изд-во МГУ, 1982. 245 с.

Щитова О.Г. Промысловая лексика в русских говорах Среднего Приобья XVII века как зона межъязыкового взаимодействия // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 4. С. 96–100.

**REFLECTION OF HUNTING SUBCULTURE PECULIARITIES
IN TRADITIONAL PRIKAMYE HUNTING VOCABULARY**

Ivan A. Podyukov

Head of General Linguistics Department

Perm State Humanitarian Pedagogical University

Linguistic material, revealing the peculiarities of traditional hunting in Prikamye is described in the article. The most significant for hunting subculture semantic groups of lexical and phraseological nominations are examined; ways of creating hunting vocabulary, peculiarities of its figurativeness and its stylistic features are characterized. Main features of hunting nominations functioning, as well as archaic and new phenomena in hunting speech are revealed. Interpretation of Prikamye hunting vocabulary connection with hunting vocabulary of other Russian dialects and the Perm Krai languages is given. Conclusions concern local colouring of Prikamye hunting vocabulary in the context of Russian hunting speech, reflection in its structure of special world outlook, psychological and moral-ethical peculiarities of professional hunters' community.

Key words: hunting speech and dialects; local subculture peculiarities; folk terminology; hunting industry words.